

УДК 94(470)

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАНЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. А. Кустов

Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
E-mail: kustovv@list.ru

После февральских событий внешняя политика страны стала предметом серьезных разногласий в российском обществе. Отсутствие согласованных внешнеполитических приоритетов, внятных целей и задач в области международных отношений приводило к снижению результативности российской дипломатии, служило источником политической напряженности внутри страны. Автор статьи подробно анализирует внешнеполитические аспекты деятельности Временного комитета Государственной думы, отношение ведущих политических сил к вопросам войны и мира, а также исследует роль парламентариев в противостоянии Временного правительства и Петроградского Совета в марте–апреле 1917 года.

Ключевые слова: Государственная дума, Первая мировая война, Февральская революция, Временное правительство, Петроградский Совет, внешняя политика России.

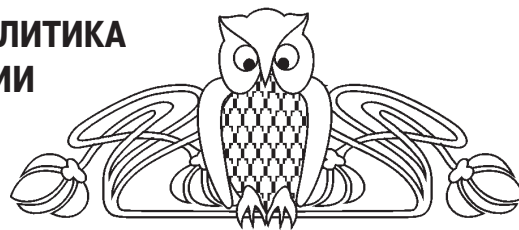
The Russian Parliament and the Foreign Policy of Country after February Revolution

V. A. Kustov

After February revolution the foreign policy of the country became a subject of serious disagreements in the Russian society. Lack of the coordinated foreign policy priorities, the distinct purposes and tasks in the field of the international relations led to decrease in productivity of the Russian diplomacy, was a source of a political tension within the country. The author of article in detail analyzes foreign policy aspects of activity of Provisional committee of the State Duma, the relation of leading political forces to war and peace questions, and also investigates a role of parliamentarians in opposition of Provisional government and Petrograd Soviet in March–April 1917.

Key words: State Duma, Provisional Government of Russia, Petrograd Soviet, World War I, February revolution, foreign policy of Russia.

Февральские события 1917 г. стали апогеем политического влияния дореволюционного российского парламента. Образованный Временный комитет членов Государственной думы (ВКГД) фактически возглавил революцию, принимая решения о занятии правительственных учреждений, арестах сторонников царского строя, создании института комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями. В полной мере осуществляя функции верховной власти, парламентарии неизбежно вторглись и в самую консервативную сферу управления Российского государства, отвечающую за разработку и реализацию международного курса страны. С этого момента внешнеполитические вопросы постоянно находились в центре внимания ВКГД. Вызывает интерес и то, что именно вокруг

внешней политики вскоре развернулась напряженная политическая и идеологическая борьба, которая через несколько месяцев привела к первому правительственному кризису, существенно изменившему расстановку сил в сложившейся системе исполнительной власти.

Довольно оперативно Временный комитет Государственной думы устанавливает контроль над всем центральным аппаратом государственного управления, включая и область международных отношений. Царские министры были уволены со своих постов и до формирования нового правительства их должны были замещать комиссары из состава Государственной думы. Первые назначения состоялись в министерства внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, юстиции, земледелия, военного и морского ведомств. Кроме того, представители парламента появились в Телеграфном агентстве и Главном почтамте. По подсчетам отечественных исследователей, за период с 28 февраля по 2 марта в различные учреждения было назначено 38 комиссаров ВКГД¹.

Несколько иначе обстояло дело с внешнеполитическим ведомством. МИД оказался одним из немногих министерств, в которое Временный комитет Государственной думы так и не направил своего представителя. Вероятно, абсолютная лояльность высокопоставленных сотрудников дипломатического ведомства к новой власти сыграла здесь решающее значение. В дни Февральской революции министр иностранных дел Н. Н. Покровский не был ни арестован, ни отстранен от должности. Он продолжал исполнять свои обязанности, вел текущую переписку, встречался с представителями дипломатического корпуса.

В то же время столь важное ведомство исполнительной власти не осталось без думского надзора. Практически сразу после падения кабинета Н. Д. Голицина Покровский и его заместители налаживают контакты с Временным комитетом. На короткий период Государственная дума оказалась во главе внешнеполитического механизма страны, а все основные нити руководства внешней политикой стали сходиться к одному из влиятельных идеологов Прогрессивного блока – П. Н. Милюкову.

По свидетельству главы международно-правового отдела МИД Г. Н. Михайловского, уже 27 февраля 1917 г. товарищ министра А. А. Не-

ратов отправляет директора канцелярии Б. А. Татищева в Государственную думу встретиться и переговорить с лидером кадетской фракции². Поручение руководства Татищев успешно выполнил, наладив прямые контакты с неформальным куратором Министерства иностранных дел. Сам директор канцелярии вспоминал, что беспокойная обстановка в центре столицы заставила его на следующий день обратиться к кадетскому идеологу с просьбой прислать в здание внешнеполитического ведомства на Певческий мост военную охрану. «Милюков ответил, что очень охотно это сделает. По крайней мере, менее чем через три часа в наше министерство прибыл караул из примерно двадцати солдат»³.

О контроле ВКГД над деятельностью внешнеполитического ведомства говорит и еще один факт. «Дипломатическая переписка, пришедшая на Финляндский вокзал, была доставлена в Думу и вскрыта Милюковым»⁴, – утверждает А. А. Савинский. Только потом документы были доставлены по назначению. Депутат Государственной думы, прогрессист С. П. Мансырев писал, что выполнил поручение Временного комитета и доставил задержанного курьера с дипломатической корреспонденцией из Таврического дворца в здание Министерства иностранных дел⁵.

Паралич царского правительства и активные действия ВКГД оказали заметное влияние на поведение союзников. Дипломатические представители стран Антанты в самый разгар февральских событий весьма высоко оценивают деятельность лидеров Прогрессивного блока. «Дума не щадит своих усилий для организации Временного правительства, восстановления какого-нибудь порядка и обеспечения»⁶, – записал в дневнике французский посол М. Палеолог. В свою очередь, представитель Англии Д. Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «Комитет проявил большую организационную силу, и, если император останется на престоле, нет как будто никаких оснований опасаться прекращения войны»⁷. Между тем поразительно быстро, без особых раздумий и сомнений, союзники отказываются от самодержавия и делают ставку на думскую оппозицию. Российские либералы, последовательно выступавшие за ведение войны до полной победы, доказавшие на деле свою лояльность, представлялись западным демократиям в качестве наиболее подходящей политической альтернативы разваливавшемуся на глазах правящему режиму.

Не позднее вечера 28 февраля 1917 г., задолго до того, когда исход революции был предопределен, союзники принимают принципиальное решение открыто встать на сторону оппозиции. К этому времени послы Антанты в Петрограде провели первые консультации с Временным комитетом, согласовали позицию по отношению к ВКГД с внешнеполитическим руководством своих стран. 1 марта «Известия» опубликовали обращение французского и английского посла к пред-

седателю Государственной думы М. В. Родзянко. «Правительства Франции и Англии, – говорилось в документе, – вступают в деловые отношения с Временным исполнительным Комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»⁸. Российская пресса не без сарказма отмечала, что следует позавидовать невероятному чутью и прозорливости западных дипломатов. Анализируя произошедшие события, «Новое время» подчеркивало: «самое удивительное, что произошло в истекшую неделю и чему нет никаких прецедентов в дипломатической истории, – это выступление послов Англии и Франции»⁹.

2 марта 1917 г. переговоры союзников и парламентариев выходят на официальный уровень. Временный комитет принимает в Таврическом дворце военных атташе и дипломатических представителей Англии, Франции, Италии и Сербии, подтвердивших свою готовность «немедленно вступить в деловые отношения с Временным комитетом как единственным представителем власти в России»¹⁰. Следует отметить, что заявления дипломатов, сделанные в начале марта, положили начало дипломатическому признанию новой власти со стороны Антанты. В дальнейшем они существенно упростили для МИД России и процедуру юридического признания кабинета Г. Е. Львова союзными и нейтральными государствами.

С образованием Временного правительства роль ВКГД в политической жизни страны была сведена к минимуму. Лидеры думских фракций, составлявшие основу кабинета, практически сразу отвергли идею возобновления нормальной парламентской деятельности Государственной думы четвертого созыва, избранной по недемократичному «третьеиюньскому» закону. Российский парламент остался функционировать в чрезвычайном режиме – несколько раз в неделю проводились заседания Временного комитета, периодически созывался представительный орган ВКГД – частные совещания членов Государственной думы. Октябрист Н. В. Савич вспоминал: «С первых же дней вступления во власть Временного правительства члены Думы стали понимать, что они остались не у дел, что правительство систематически игнорирует и саму Думу, и ее Временный комитет»¹¹. Впрочем, это не мешало министрам в решающие моменты противостояния с Петроградским Советом опираться на авторитет «цензовой» Думы как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим вопросам.

В марте–апреле 1917 г. Временный комитет Государственной думы и частные совещания парламентариев безоговорочно поддерживали курс нового главы Министерства иностранных дел П. Н. Милюкова на преемственность российской внешней политики, ведение войны до полной победы и соблюдение принятых обязательств перед союзниками по Антанте. «Первейшая наша

цель, – неоднократно заявлял после Февральской революции председатель Государственной думы М. В. Родзянко, – победа над врагом... Победа нам нужна как воздух и только она может обеспечить исполнение всех колоссально важных задач»¹². Ведущие лидеры парламентских фракций от умеренно правых до кадетов (В. А. Маклаков, Н. В. Савич, И. Н. Ефремов, В. М. Пуришкевич, Е. П. Ковалевский, В. В. Шульгин и многие др.) сходились во мнении, что победа в мировом противостоянии должна существенно изменить геополитическую ситуацию на европейском континенте, максимально усилить страну в экономической, военной, международной, стратегической и других областях.

Внешнеполитической линии кабинета министров, членов ВКГД эсеры и меньшевики из Петроградского Совета противопоставили свои внешнеполитические установки. 14 марта 1917 г. умеренные социалисты распространили в печати манифест «К народам всего мира», разработанный в духе революционно-оборонческих идей. Текст документа был противоречивым и формулировался таким образом, чтобы угодить сразу всем политическим направлениям в Совете: и «циммервальд защитить и убедить войска фронт держать». Воззвание содержало призыв к европейским народам совместно бороться за всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций и обосновывало необходимость для России продолжать войну для защиты свершившейся революции. Сами авторы признавали двусмысленность обращения. Один из главных идеологов меньшевиков Н. Н. Суханов писал: «Эта противоречивость требований, эта двойственность задачи заставляла танцевать на лезвии ножа под угрозой свалиться в ту или другую сторону. И, конечно, это не могло не сказаться серьезным образом на содержании манифеста»¹³.

Значительная разница в подходах политических сил к вопросу войны и мира заставила искать компромиссные решения. Так, например, было при согласовании текста «Декларации Временного правительства о задачах войны» от 27 марта.

Представители социалистических партий в специально созданной контактной комиссии Временного правительства и Петроградского Совета, куда были приглашены и члены ВКГД, настаивали на выполнении двух требований. Во-первых, необходимо было обратиться к Англии и Франции с предложением заключить всеобщий демократический мир. Во-вторых, заявить об отказе российского правительства от всяких других целей войны, кроме оборонительных¹⁴.

Первое требование было сразу же отклонено министром иностранных дел и его сторонниками. П. Н. Милюков доказывал, что союзники ни при каких условиях не дадут согласие на реализацию циммервальдской формулы мира, и оказать влияние на их официальную позицию не представляется

возможным. Только по второму пункту удалось найти приемлемый компромисс. Либеральный кабинет пошел навстречу эсерам и меньшевикам – согласившись опубликовать официальное заявление о целях и задачах России в войне, провозгласил приоритет оборонительной стратегии. Однако в уклончивых выражениях декларации не было четкого отказа от завоевательных целей, сама формула всеобщего демократического мира «без аннексий и контрибуций» отсутствовала.

Между тем идеи революционного оборончества постепенно стали завоевывать общественное мнение. Сосредоточив свое внимание на агитационно-пропагандистской работе, ВКГД пытался помочь Временному правительству добиться перелома в настроении граждан. Был налажен выпуск собственного печатного издания – «Известий Временного комитета Государственной думы», огромными тиражами публиковалась разного рода агитационная литература (брошюры, воззвания комитета, стенограммы заседаний, речи депутатов и министров), где сознательно противопоставлялась позиция «государственника» Милюкова, отстаивавшего незыблемые геополитические интересы страны, и «безответственная» позиция Петроградского Совета¹⁵. Обладая лучшей типографией в столице, ВКГД за короткий период задействовал все имеющиеся в его распоряжении информационные ресурсы, оказав правительству в противостоянии с Советом весомую политическую поддержку.

Не менее активно в информационную кампанию включился и министр иностранных дел. В целом ряде статей и публичных выступлений главный идеолог кадетов настойчиво и последовательно разъяснял стоявшие перед Россией национальные задачи, аргументировал правильность своих тезисов и критиковал взгляды социалистов¹⁶. Вместе с тем крупная ошибка П. Н. Милюкова заключалась в явной переоценке значимости для российского общественного мнения проблемы Константинополя и проливов, а также в том, что он полностью связывал между собой два совершенно разных вопроса: о продолжении мирового конфликта и о его целях.

На деле постоянные напоминания министра иностранных дел о целях войны приводили лишь к конфронтации с Петроградским Советом. Создавалось впечатление, что война продолжается исключительно из-за Черноморских проливов, что приверженцы идей главы дипломатического ведомства являются противниками мира. Популярность лидера кадетов и политических сил его поддерживающих стремительно падала. Общество устало от непомерных тягот войны и не желало ее дальнейшего затягивания.

Зная о приверженности Исполкома тезису демократического мира, Лондон и Париж ждали от российского дипломатического ведомства четкого подтверждения курса на продолжение войны и выполнения достигнутых союзнических

соглашений. По предварительной договоренности с Петроградским Советом лидер кадетов должен был сообщить западным державам «Декларацию Временного правительства о целях войны» от 27 марта 1917 г., дополнив ее нотой, разъяснявшей намерения исполнительной власти. Сопроводительный документ подробно обсуждался, и его текст устроил всех членов кабинета. Отличие от мартовской декларации заключалось лишь в том, что Россия обещала довести войну до решительной победы и выступала против заключения сепаратного мира. Цели войны формулировались очень расплывчато: «передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем»¹⁷.

18 апреля 1917 г. нота Временного правительства была телеграфирована в столицы стран Антанты, а через день опубликована в российской печати. Текст обращения к союзникам вызвал резкое неприятие солдат Петроградского гарнизона, чем не замедлили воспользоваться радикально настроенные социал-демократы. 21 апреля 1917 г. в столице начались первые вооруженные демонстрации против внешней политики либерального кабинета министров. Пытаясь повлиять на развитие событий, Временный комитет Государственной думы в самый разгар кризиса призывает сплотиться вокруг исполнительной власти и выступить в поддержку министров, единогласно подписавших «ноту Милюкова»¹⁸. Во второй половине дня стали собираться демонстрации сторонников Временного правительства. Имели место столкновения и жертвы среди участников шествий.

В условиях разразившегося политического кризиса правительству становилось все труднее противостоять радикальным настроениям социалистов. Исполнительная власть привлекает к переговорам по выходу из создавшейся ситуации ВКГД, который должен был уравновесить беспрецедентное давление Петроградского Совета. В ночь на 22 апреля 1917 г. состоялись совместные консультации правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполкома Совета. Они вновь привели к компромиссу. После продолжительных дебатов было решено составить дополнительное разъяснение ноты, в котором вопросы, вызвавшие конфликт, излагались бы в соответствии с политикой, выраженной в акте от 27 марта. Ключевым в опубликованном вскоре документе стало объяснение, что под упоминаемыми «санкциями» и «гарантиями» Временное правительство имело в виду «ограничение вооружений, международные трибуналы и пр.»¹⁹.

Апрельский кризис 1917 г. наглядно показал – революционно-оборонческая формула эсеров и меньшевиков стала доминировать. Это было одной из причин отставки кадетского министра иностранных дел. Но причиной далеко не единственной. Главная проблема заключалась в том,

что внешнеполитический курс не получил одобрения прежде всего внутри самого Временного правительства. На частном совещании членов Государственной думы 4 мая П. Н. Милюков признавался: «Я стоял на своем посту до того момента, пока товарищи значительным большинством мне не сказали: очистите этот пост, он нужен для других целей»²⁰.

5 мая 1917 г. коалиционный кабинет министров провозгласил новые принципы международной политики революционной России. В декларацию Временного правительства была добавлена формула эсеров и меньшевиков «без контрибуций и аннексий на основе самоопределения народов», а главной целью внешней политики провозглашалось «скорейшее достижение всеобщего мира»²¹. К тому же данный документ обещал предпринять подготовительные шаги к соглашению с союзниками по пересмотру старых договоров, тем самым готовя почву для начала переговоров с Англией и Францией. Во ВКГД с настороженностью встретили внешнеполитическую часть декларации кабинета. «Совещание членов Государственной думы, – гласила итоговая резолюция парламентариев, посвященная апрельскому кризису, – обращается к Временному правительству в момент его пересоздания с настоятельным напоминанием, что в основу внешней политики в вопросе войны и мира должны быть положены начала безусловной и стойкой верности союзникам, так как с этой верностью неразрывно связаны и жизненные интересы России, и ее честь»²². Депутаты не хотели иметь ничего общего с политикой «революционной демократии» и фактически дистанцировались от компромиссной внешнеполитической линии коалиционного правительства.

Таким образом, решительные действия Временного комитета Государственной думы, взявшего на себя прерогативы верховной власти в дни февральских событий, позволили парламентариям поставить под контроль руководство внешней политикой страны, практически сразу наладить тесное взаимодействие с дипломатическим корпусом союзников и заложить основы юридического признания кабинета Г. Е. Львова союзными и нейтральными государствами. ВКГД и частные совещания членов IV Думы последовательно выступали за ведение войны до полной победы вместе со странами Антанты, оказывая существенную поддержку внешнеполитическому курсу Временного правительства первого состава. Между тем международные отношения впервые стали сферой идеологического и политического противостояния широких слоев общества. Лозунги о присоединении Босфора и Дарданелл, об освобождении Европы от германского милитаризма не были той целью, которая могла консолидировать страну, стать весомым побудительным мотивом в продолжении мирового конфликта для армии. Нерешенность внутренних проблем и излишняя прямолинейность идеологов

Временного правительства и ВКГД по вопросам внешней политики, в конечном итоге, привели после апрельского кризиса к усилению влияния социалистических партий и их революционно-оборонческих идей.

Примечания

- 1 См.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. Рязань, 2002. С. 77–81; Кирьянов И. К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 82.
- 2 См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории дипломатического ведомства. 1914–1920) : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 241–242.
- 3 Татищев Б. А. «Крушение» 1916–1917 гг. Воспоминания // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1949. Тетрадь четвертая. С. 130.
- 4 Савинский А. А. Февральская революция 1917 г. Свидетельства русского дипломата // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 85.
- 5 См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 65.
- 6 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 242.
- 7 Иностранцы дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 111.
- 8 Известия (Комитет петроградских журналистов). 1917. 1 марта.
- 9 Новое время. 1917. 5 марта.

УДК 94(47).084.8

ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ ЛЕНИНГРАДА НАКАНУНЕ БЛОКАДЫ (22 июня – 8 сентября 1941 года)

А. В. Зотова

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

В статье на основе архивных документов прослеживается деятельность финансовых органов Ленинграда в период с начала Великой Отечественной войны до блокады Ленинграда.

Ключевые слова: Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, финансы, кредит.

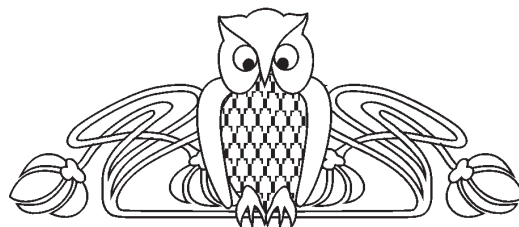
**Financial Bodies on the Eve of the Siege of Leningrad
(June 22 – September 8, 1941)**

A. V. Zotova

In the article on the basis of archival documents can be traced activities of financial bodies of Leningrad in the period from the beginning of the great Patriotic war to the siege of Leningrad.

Key words: Patriotic war of 1941–1945, siege of Leningrad, finance, credit.

- 10 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 133. Оп. 472. 1917. Политический архив. Д. 45. Л. 15.
- 11 Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 228.
- 12 Новое время. 1917. 25 марта.
- 13 Суханов Н. Н. Записки о революции : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 235.
- 14 См.: Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 75; Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 293, 296.
- 15 См.: Кулегин А. М. Агитационно-пропагандистская деятельность Временного комитета Государственной думы (по материалам коллекции листовок ГМПИР) // Таврические чтения–2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма : сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 235–246.
- 16 См.: Миллюков П. Н. Почему и зачем мы воюем? Пг., 1917; Его же. Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917.
- 17 Константинополь и проливы. Европейские державы и Турция во время мировой войны : в 2 т. М., 1925. Т. 1. С. 485–486.
- 18 Речь. 1917. 21 апреля, Новое время. 1917. 22 апреля.
- 19 Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис : документы и материалы. М., 1958. С. 761.
- 20 Новое время. 1917. 5 мая.
- 21 См.: Константинополь и проливы. Т. 1. С. 488.
- 22 Речь. 1917. 5 мая.

Приближение войны для многих было очевидным, поэтому военные расходы предусматривались в размере 33,8% от всего бюджета государства и в денежном выражении составили 7,1 млрд руб.¹ Сессия Верховного Совета СССР, на которой утверждался госбюджет на 1941 г., приняла решение увеличить его на 200 млн руб. Дополнительные ассигнования дополняли только военные расходы².

Но все равно, принимавшийся бюджет не был настроен на военный лад, он был лишь попыткой смещения некоторых акцентов для финансового обеспечения государственной обороны.

События 22 июня 1941 г. заставили финансовые органы принципиально изменить подходы к расходованию денежных средств. Это подтверждают воспоминания наркома финансов СССР А. Г. Зверева, утверждавшего, что «перестраивая финансы в военных целях, мы решили в основном